

В среду, 17 ноября 1982 года, телефон в кабинете инспекторов уголовного розыска Ленинского РОВД зазвонил около девяти утра.

— Проснулись! — недовольно проворчал инспектор Лукьянов. — Ни свет ни заря, а кто-то уже названивает. Не дай бог из дежурки! На улице мороз за тридцать градусов. На происшествие ехать совсем неохота.

Кашлянув в кулак, Лукьянов поднял трубку.

— Милиция, — официальным тоном представился он.

Помолчав пару секунд, Лукьянов положил трубку и сказал:

— Игорь Ефремов, тебя к начальнику РОВД вызывают.

— Ты ничего не натворил? — встревоженно спросил коллегу Буторин, прокуренный ветеран сыскного дела.

— Когда бы я успел? — нахмурился Ефремов. — Вчера до позднего вечера работали. Пришел домой — лег спать. Утром на работу. Понятия не имею, зачем я начальнику сдался.

— Просто так Балагуров вызывать не будет, — пожевывая, высказал свое мнение Лукьянов. — Ты на прошлом дежурстве ничего не учудил?

— Да нет же, черт возьми! Нет за мной грехов. Я чист, как ангел после бани.

Игорь подошел к мутному зеркалу, скептически осмотрел себя.

«Сколько раз хотел принести галстук на работу и все забываю, — недовольный собой, подумал он. — Придется идти к Балагурову одетым как колхозник. Хорошо было при старом начальнике. Он на внешний вид подчиненных внимания не обращал, а новый, говорят, в этом деле строг. Девчонкам из секретариата запретил приходить на работу в коротких юбках».

За неимением галстука Ефремов застегнул верхнюю пуговичку на воротнике рубашки.

«Так лучше будет», — решил он.

— Ну, я пошел. — Игорь одернул пиджак и сделал шаг к двери.

— погоди, дай я посмотрю на тебя, — остановил его Буторин. — Признавайся: вчера не бухал?

— Непохоже, — пробурчал со своего места Лукьянов.

— Иногда бывает непохоже, а от человека за версту перегаром несет. Но тут вроде бы все в порядке: глаза ясные, дыхание свежее. Ты точно не знаешь, зачем тебя на ковер вызывают?

Ефремов демонстративно взглянул на часы и пошел к выходу.

— Стоп! — вновь остановил его Буторин. — Ты куда без ежедневника? К начальнику надо заходить с деловым видом, а ты отправился к нему как к завхозу за копировальной бумагой. Где твой ежедневник? До сих пор не купил?

— Возьми мой, — протянул потрепанный блокнот Лукьянов. — Если что, открой его на чистом листе и делай записи с умным видом. Чертиков только не рисуй. А то я дал Семену блокнот на совещание сходить, он

УБИЙСТВЕННЫЙ ВОЗРАСТ

мне в нем такую похабщину нарисовал, пришлось два листа вырвать.

Приготовившись к встрече с начальством, Ефремов спустился на второй этаж райотдела. У стенда с портретами членов Политбюро ЦК КПСС он на секунду остановился.

«Что-то тут не так, — подумал Игорь. — Ага, догадался! Вместо Брежнева в центр Политбюро поместили портрет Андропова, а бывшее его место пока пусто. Не успели нового члена Политбюро избрать или наш парторг ушами прохлопал?»

Начальник районной милиции был в кабинете не один. За приставным столиком, справа от Балагурова, сидел замполит отдела Владимиров, слева — начальник уголовного розыска Абрамкин, непосредственный шеф Ефремова. Судя по лицам, между замполитом и Абрамкиным был жесткий диспут, и главный сыщик отдела остался в проигрыше.

Не отрываясь от телефонного разговора, Балагуров показал Игорю на место рядом с Абрамкиным. Пока начальник РОВД отчитывался кому-то о нераскрытой краже, все присутствующие в кабинете молчали. От нечего делать Ефремов стал рассматривать бумаги на столе начальника и обомлел: прямо перед Балагуровым лежал доклад, подготовленный Игорем для выступления в областном УВД на конференции молодых инспекторов уголовного розыска.

«Черт возьми, как мой доклад оказался здесь? Я же его лично отвез на проверку в городское управление милиции».

Ефремов всмотрелся в переплетенные наподобие школьного реферата листы ватмана. Без сомнения, это был его доклад под названием «Меры по усилению оперативной работы среди несовершеннолетних».

Пожелав собеседнику всего наилучшего, Балагуров закончил разговор, достал из ящика стола сигареты, закурил.

— Кто начнет? — спросил он.

— Николай Борисович, вы ознакомились с писаниной этого умника? — спросил замполит.

— Некогда мне было, — недовольным тоном ответил Балагуров. — Я вторую неделю в должности, дел — невпроворот, а тут какой-то доклад. Что в нем такого написано, что вы без моего участия разобраться не можете?

— Разобраться-то мы можем, но я считаю, что докладу Ефремова надо дать принципиальную оценку на самом высоком уровне. Олег Гаврилович, — замполит кивнул на начальника уголовного розыска, — за молодыми сотрудниками не следит, вот они и изгаляются над здравым смыслом. Ефремов, благодари бога, что твой пасквиль вовремя перехватили. Если бы о нем узнали в областном политуправлении, мы бы сейчас все по выговору получили. Я — по партийной линии, а вы — по служебной.

— Я не считаю, что мой доклад — пасквиль, — негромко, но твердо возразил Ефремов. — Я написал в нем то, над чем размышлял не один год.

— Ты сколько работаешь в милиции? — недоверчиво покосился на Игоря Балагуров. — Какой «не один год»? Ты что, стал продумывать тезисы этого доклада в начальной школе?

— Николай Борисович, в уголовном розыске я работаю второй год, с августа 1981 года, но вводную часть этого доклада я мог бы написать и перед армией.

— Так у тебя с юности голова антисоветчиной забита! — сказал замполит тоном следователя, наконец-то уличившего преступника в отсутствии алиби. — Я-то ду-

маю, где ты такой ереси успел хвататься, а ты, оказывается, на областную конференцию приготовил квинт-эссенцию своих юношеских комплексов и страхов?

— Все, что написано в докладе, — правда, и я от своих слов отказываться не собираюсь, — твердо заявил Игорь. — Чтобы успешно работать с трудными подростками, надо смотреть на жизнь с их позиции, снизу, а не сверху.

— В его докладе есть здравые мысли, — впервые подал голос Абрамкин.

— Какие? — встрепенулся Владимиров. — Ты сам-то читал эту дребедень или на его наставника свою работу свесил? Кстати, кто у Ефремова наставник? Буторин?

— У меня мало времени, — прекратил начинающийся спор начальник милиции. — Кто мне объяснит суть вопроса?

— Давайте я, — предложил Игорь.

— Начиная. — Балагуров через стол перекинул ему текст доклада. — Постарайся быть кратким. Вступление о политической обстановке в стране и мире можешь пропустить.

Ефремов перевернул доклад титульным листом вниз, достал из кармана авторучку, нарисовал на обложке несколько квадратов и начал:

— Чтобы разобраться в проблемах современной молодежи, особенно юношей допризывного возраста, надо посмотреть на жизнь подросткового социума изнутри, а не с позиции взрослого семейного мужчины.

— Я даю тебе десять минут, — воспользовавшись секундной паузой, вставил начальник милиции.

Честно говоря, спешить ему было некуда, но перед подчиненными, особенно в первые дни работы, полковник Балагуров обязан был выглядеть очень занятым человеком.

— Я уложусь, — заверил Ефремов.

Спросив разрешения, в кабинет вошла секретарь начальника РОВД, молча поставила перед ним стакан чая с лимоном и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Абрамкин, чтобы не встречаться глазами с Владимировым, стал рассматривать схему, нарисованную Игорем.

«Если бы наш замполит не рвался на вышестоящую должность в областном УВД, мы бы сейчас не сидели тут как дураки и не выслушивали от желторотого юнца прописные истины, — подумал он. — Что может нового рассказать Ефремов? Что молодежь в городе давно вышла из-под контроля? Так это и так все знают».

— В нашем областном центре пять районов, — продолжил Ефремов. — Другого административно-территориального деления не предусмотрено. Пять районов — это если смотреть на территорию города сверху, например, из этого кабинета, а если посмотреть на город снизу, то все окажется совсем не так. Снизу наш областной центр разбит на десятки микрорайонов, со своими порядками и внутренним устройством. Рассмотрим, для примера, наш Ленинский район. У нас двенадцать микрорайонов, в центре каждого стоит средняя школа.

— У нас, вообще-то, тринадцать школ, — заметил Владимир.

— Двадцать первая школа с физико-математическим уклоном является общегородским центром подготовки учащихся к поступлению в технические вузы. В ней учатся дети со всего города, так что на жизнь молодежи Ленинского района эта школа никакого влияния не оказывает. У нас в районе также есть три ПТУ, два техникума и сельскохозяйственный институт. В них обучается несколько тысяч человек, но все они для нашего района интереса не представляют, так как по вечерам все учащиеся и студенты разъезжаются по домам.

УБИЙСТВЕННЫЙ ВОЗРАСТ

— Как насчет общежитий ПТУ, института и техникумов? — заинтересовался проблемой Балагуров.

— Общежития — это анклавы, проживающая в них молодежь варится в собственном соку. Практически никто из проживающих в общежитии контактов с местной молодежью не поддерживает.

Ефремов покосился на пепельницу, но ни закурить, ни придвинуть ее к себе не решился.

— Основными признаками государства являются территориальность и население, — продолжил он. — С точки зрения подростков, любой микрорайон — это крохотное государство, границы которого проходят по улицам, очерчивающим периметр микрорайона. Населением этого государства являются все лица мужского пола от двенадцати-тринадцати лет и до призыва в армию. Служба в армии — это отсечка в жизни любого мужчины. До нее он — шпана, после службы — самостоятельный рассудительный мужчина. Отслужив в армии, парни отдаляются от уличной жизни навсегда. Они устраиваются на работу, женятся и перестают интересоваться событиями, которые происходят в их собственном дворе. Философский закон «Отрицания отрицания» — бывшая шпана начисто отрицает проблемы шпаны нынешней. Исключения в этом круговороте есть. Наглядный и самый яркий пример — Турист. Отслужив в армии, он от уличной жизни не отошел и сейчас является предводителем всех подростков в Волгоградском микрорайоне. Еще исключения — это лица, осужденные в несовершеннолетнем возрасте и не вставшие на путь исправления. Но они после освобождения живут не по законам уличной жизни, а по законам и обычаям преступного мира.

Ефремов глубоко вздохнул, перевел дух и дерзко попросил:

— Николай Борисович, можно, я закурю, а то во рту пересохло.

— Кури, конечно, — согласился начальник РОВД.

Замполит подвинул молодому коллеге пепельницу и сам достал пачку «Беломора». Подражая старым партийцам, прошедшим революцию и адский труд первых пятилеток, на людях Владимиров исповедовал аскезу и курил исключительно папиросы. Наедине или в кругу семьи замполит предпочитал болгарские сигареты с фильтром. Начальник райотдела в имидже скромного партработника не нуждался. Он курил дорогие сигареты «Космос» в твердой упаковке. Не «Мальборо», конечно, но для подполковника милиции — в самый раз.

— Вернемся к признакам государственности, — выпуская табачный дым под стол, продолжил Ефремов. — Любое государство не может существовать без законов, регулирующих его внутреннюю жизнь, и управленческого аппарата, который следит за исполнением этих законов. Посмотрим на жизнь подростков изнутри. Вся она жестко регламентирована «уличными» законами, за нарушение которых предусмотрено жесткое наказание. Некоторые законы не содержат ничего предосудительного. Нельзя, например, бросить товарища в трудную минуту или предать его. Другие законы идут вразрез с Уголовным кодексом. К примеру, любой чужак, зашедший на территорию твоего микрорайона, должен быть изгнан с применением физической силы. Другими словами, если заметил парня не из своего микрорайона, ты обязан надавать ему тумаков. Чтобы он не шлялся где не просят.

— Ефремов, — перебил Игоря замполит, — если вдуматься, что ты говоришь, то ни школа, ни комсомол не играют никакой роли в жизни молодежи.

— Школа заканчивается за порогом школы, а комсомол — он действительно не играет никакой роли в жизни подростков. Приведу простой пример: спросите любого школьника старших классов, как фамилия первого секретаря Ленинского райкома ВЛКСМ? На этот вопрос вам не ответит никто. А если вы спросите о лидерах молодежных группировок, то тут кличками будут сыпать, как горохом из ведра, и назовут вам не только всех местных авторитетов, но и из соседних микрорайонов припомнят. Вот об этих-то неформальных вожаках молодежи и был написан мой доклад. Именно они, а не комсомол правят балом и определяют, чем будет заниматься подрастающее поколение в свободное от учебы время.

Ефремов немного помолчал, затушил сигарету и продолжил:

— По моим наблюдениям, уличная жизнь в последние годы стремительно криминализируется. Если раньше вторгшемуся в твой микрорайон чужаку просто били физиономию, то сейчас обязательно снимут шапку и вывернут карманы. Потерпевший, естественно, жаловаться никуда не пойдет: уличные законы запрещают любое доноительство. Лишившись шапки, этот подросток пойдет мстить и снимет головной убор с кого-нибудь другого — и так до бесконечности. Ограбили тебя у магазина — собери дружков, подкарауль чужака и вытряхни из него всю мелочь.

— Это везде так, по всему району? — уточнил Балагуров.

— Есть исключения. На территории Волгоградского микрорайона, там, где «правит» Турист, уличные грабежи происходят крайне редко. Любой пьяный с наступлением темноты может пройти по самым темным закоулкам, не боясь, что с него снимут шапку или шарф.

В районе шестьдесят второй школы такой номер не пройдет. Там каждый вечер за пьяными идет охота.

— Турист — он... — Начальник милиции вопросительно посмотрел на Ефремова.

— Лидер новой формации, — пояснил молодой инспектор. — К Волгоградскому микрорайону примыкает стоянка такси, где после закрытия винных магазинов спекулируют водкой. В магазине бутылка «Пшеничной» стоит пять рублей тридцать копеек, после восьми часов, с рук — десятку. С каждой нелегально проданной бутылки Турист взывает дань — один рубль. Перечить ему никто не смеет — ни таксисты, ни спекулянты. Если кто-то посмеет воспротивиться его воле, он тут же бросит десяток-другой разгоряченных вином подростков, и они любого отметелят так, что мало не покажется. Уличные грабежи Турист запретил, чтобы не привлекать к своему микрорайону внимания. И еще, на мой взгляд, ему просто нравится быть фактическим правителем целого микрорайона. Своими запретами он как бы показывает жителям улицы Волгоградская: «Смотрите — это я навел порядок в наших дворах. Если меня не будет — побоитесь детей вечером в булочную посылать». Все ведь по вечерам начинается. Днем любой подросток может безопасно пройти по любому чужому микрорайону, а вот вечером, когда молодежь начинает в стаи сбиваться, тут — да, тут углубиться в чужие дворы мало кто рискнет.

— Этот Турист взят в разработку? — спросил Балагуров начальника розыска.

Абрамкин отрицательно покачал головой:

— Формально гражданин Игнатов по кличке Турист не совершает ничего противозаконного. Двадцатисемилетний мужчина все вечера проводит в кругу подростков, о чем-то говорит с ними, некоторых пригла-

шает к себе домой послушать музыку, обменивается с ними кассетами с записями популярных ансамблей. Что в его действиях преступного? Ничего. Мы не имеем законных оснований заводить на него дело оперативной проверки.

— А ты что думаешь по этому поводу? — обратился Балагуров к Игорю.

— Мое мнение такое: и Туриста, и других лидеров молодежных группировок надо окружить нашей агентурой, тогда все их действия будут у нас под контролем.

— Ты кого вербовать собрался? Несовершеннолетних? — удивился начальник милиции. — Олег Гаврилович, у тебя что, Ефремов не знает, что вербовать несовершеннолетних запрещено?

Игорь, опережая начальника, поспешно ответил:

— Вербовать запрещено, а преступления им совершать можно?

— Так у тебя об этом доклад написан? — нахмурился Балагуров. — Ты ничего другого не выдумал, как предлагать дурацкие изменения в ведомственные приказы о порядке проведения оперативно-разыскной деятельности?

— Я это обтекаемо написал, общими словами, — стал оправдываться Ефремов. — Мы должны смотреть на реалии жизни так, как они есть.

— Теперь, позвольте, я выскажусь, — решительно вступил в разговор замполит. — Из доклада Ефремова следует, что у нас по вечерам молодежь живет не по нашим, советским законам, а по каким-то вымышленным уличным правилам. Я считаю, что доклад Ефремова — это политическая провокация. Он, опираясь на свой подростковый опыт, выдумал каких-то лидеров, какие-то мифические квазигосударства и теперь пытается нам навязать свои бредовые идеи.